

83

Н. ЧУЖАК.

СИБИРСКИЙ МОТИВ В ПОЭЗИИ.

(От Бальдауфа до наших дней).

Д. БУРЛЮК.

Сибирь. — Сонет.

Н. АСЕЕВ.

Сибирская баснь.

С. ТРЕТЬЯКОВ.

Путевка. — Стихи.

ЧИТА.

1922.

СРРК РРЧ7

Типография О'един. Союза Забайк. Кооперативов.

8.9
2-86

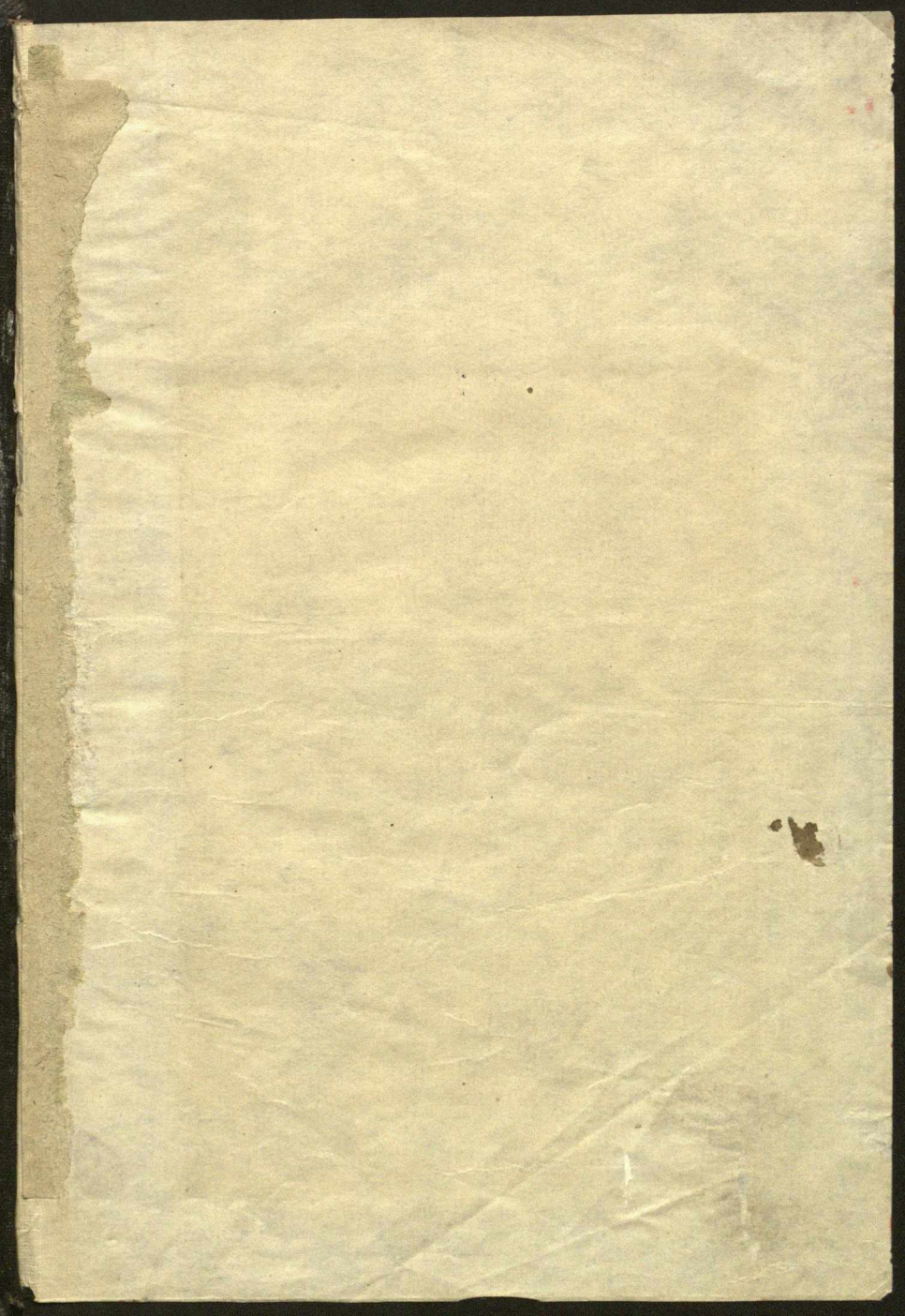
Н.И.Ковалев-И/8
+И/Ц.

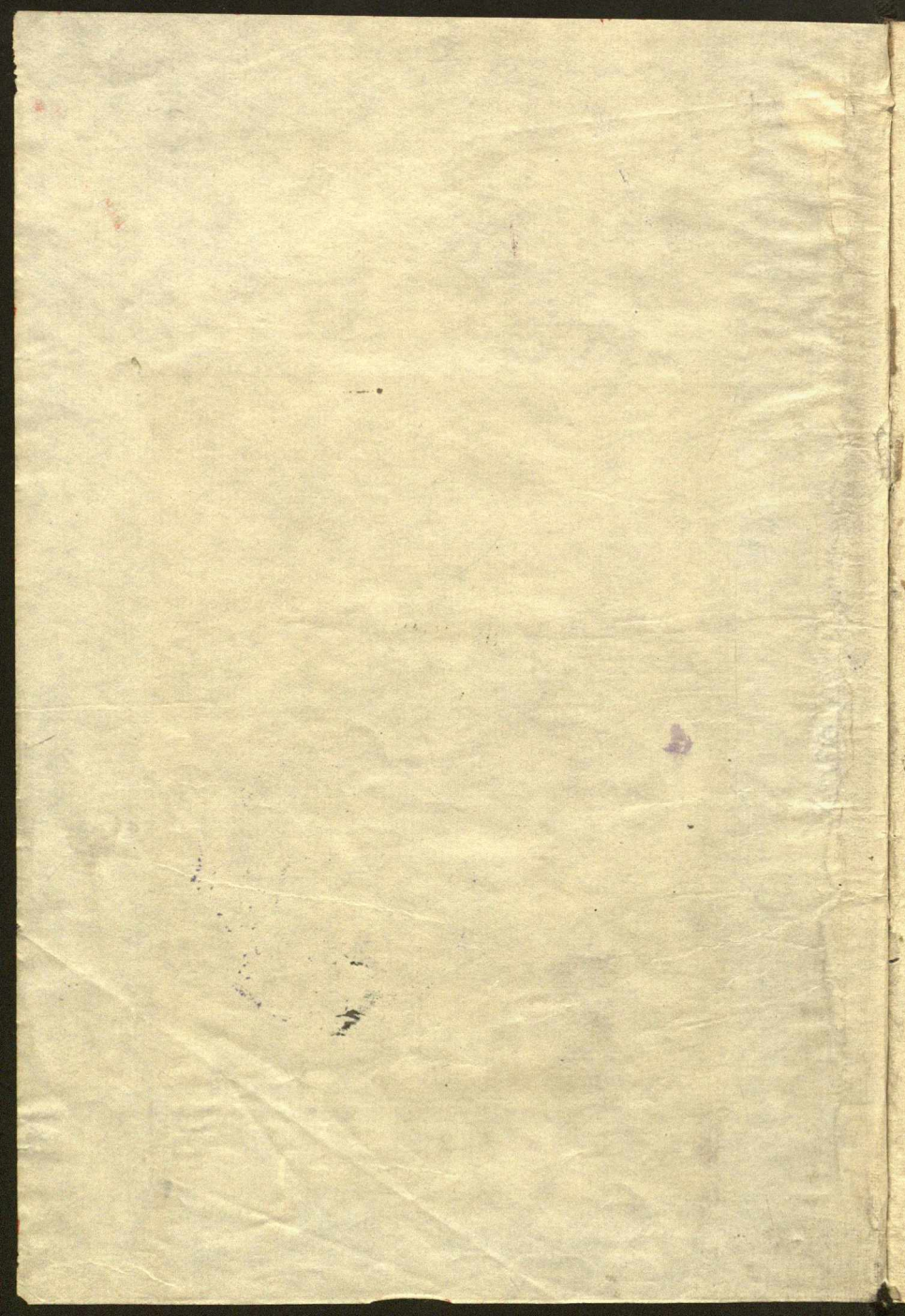
кн. 1768

(страховой - кн. 1410)

Small white rectangular label with illegible text.

2017

10

~~89
7-86~~

2шт

Н. Чужак.

2р

~~Изд. 1966~~

8917(09)

~~1р 20к~~
7-86
7шт

4742

СИБИРСКИЙ МОТИВ В ПОЭЗИИ.

Изд. 1962

~~7-86~~
7-86
K-34

1962

К 87 8 PC V
4-86

1863

2012

2007

ФРК 1147

Чувашская областная
библиотека
им. А. С. Пушкина

ISBN: 4-СМЛ-4И-22

ФОНД
красоведения

От автора.

Все предлагаемые вниманию читателя статьи, за исключением четвертой, появляющейся впервые, были напечатаны в разное время на разных задворках сибирской прессы, куда загнали автора 1) расхождение со всей областнической и околосибирской печатью того времени (а другой в Сибири почти и не было) по всем почти вопросам дня, и 2) исключительная нетерпимость областников, не допускавших даже тени критики, в силу чего, напр., не мог своевременно появиться даже такой объективный и лояльный очерк, как „Сибирский мотив и областничество“.

В настоящее время, на огромном историческом расстоянии и в перспективе, автору представляется, что деятельность нас, т. е. тогдашних невольных „пришельцев“ в Сибирь, в культурно-научном и социально-политическом отношении была не столь уже вредна или бесплодна, как представлялась она ревнивым областникам. В частности, работа в области художественного осознания Сибири как будто принесла уже свои результаты.

Вот почему мы сочли не лишним выпустить наш скромный сборничек статей—эту попытку пишущего осознать наличие областного, сибирского, мотива в русской поэзии, проследив параллельно и его эволюцию, в связи с развитием социально-психологических условий.

Н. Чужак.

Сибирский мотив у И. В. Федорова-Омулевского.

(К тридцатилетию со дня смерти).

Иннокентия Васильевича Федорова - Омулевского (1836—1883) считают отцом сибирской поэзии. И это верно. Были в Сибири поэты и ранее, и даже такой видный поэт, как Бальдауф, но никто из них не имел такого влияния на поэзию сибиряков, как Омулевский. Собственно, главная часть творчества Омулевского принадлежит метрополии, задачи и интересы которой почти целиком поглотили раннего выходца Сибири вдали от родной окраины, но есть в поэзии Омулевского и нечто такое, что резко выдвигает его из ряда второстепенных, если не третьестепенных, поэтов метрополии и делает близким сердцу не только каждого сибиряка, но и каждого не безразличного к поэзии россиянина. Это—сибирские мотивы в его поэзии. Они-то и определяют Омулевского, как личность, среди прочих тускловатых в одиночку, но ярких в содружестве, звездочек некраповской плеяды; они-то и делают Омулевского первым по положению поэтом Сибири.

Существует взгляд, проникавший и в сибирскую окраинную печать, будто никакой „сибирской“ поэзии нет и быть не может. Что ее нет—об этом еще можно спорить; но что ее и быть не может—это уже совсем неправильно. Достаточно, думается, ясно, что термин „сибирская поэзия“ мы употребляем чисто условно: не в смысле какого-то, помилуй бог, сепаратизма, хотя бы и художественного, а в смысле наличия в родной поэзии сиб. мотивов, сибирских настроений, красок, сибирской природы, сибирского, если угодно, быта. И только.

Небо Якутского края и хозяйственные отношения в якутском жизненном укладе порождают психику, отлич-

ную от психики средне-сибирского, положим, крестьянина. Поэзия Шевченки (не касаясь языка) родилась на Днепре и вся полна украинских мотивов—от несчастной доли батрачки Катерины до волнующих легенд о гайдамачине. Поэзия Некрасова обвеяна прелестью Волги. В маленькой книжечке стихов Кольцова есть безкрайняя донская степь; в ней чувствуется и степное небо, и идилличность не успевшей еще дифференцироваться общественной среды. В творениях того же Некрасова дышишь сырым, промозглым петербургским воздухом, ибо туманный Петербург—вторая родина Некрасова. Упомянуть ли о великом Пушкине? Способность восприятия оттенков специфических у Пушкина поэзии поразительна. Начиная с „Евгения Онегина“ с его чисто-русскими, центрально-российскими тонами и настроениями (я имею в виду помещичью деревню), переходя к поэмам кавказским, даже бессарабским, с их истомой, и кончая каким-нибудь „Медным всадником“, где ясно слышишь не только „тяжело-звонкое скаканье“ по петербургской мостовой, но и как волны бьются о гранитный берег Невы, или поэмой „Полтава“, где „дремоты превозмочь не хочет воздух“,—езде и всюду, до чего бы ни коснулся слух великого поэта, ни дошел бы взор его, везде и всюду мы имеем местные, или, допустим, областные (да не бойтесь же вы, наконец, этого слова!) тона и краски, местные или областные мотивы и настроения,—имеем: специфический колорит.

И вообще—не нужно бояться это сказать: чем выше тот или иной поэт, тем более способен он чувствовать все специфическое, все особенное (на ряду с такой же способностью обобщения); собрание всего „особенного“ в русской жизни и природе и составит величайшую сокровищницу—русскую поэзию. В сокровищнице этой очень немного красок сибирских, и то немногое, что в ней все-таки есть, привнесено не столько сибиряками, сколько побывавшими в Сибири „чужестранцами“: В. Г. Короленко, В. Г. Таном, В. Серошевским, покойным П. Я. и другими. Поэзия же коренных сибиряков (Фе-

дорова-Омулевского пока исключают: о нем речь специальная, дальше) — она какая-то безлика: в ней можно встретить все, что угодно — и ортодоксальный „реализм“, и плохо переваренное „декадентство“, нет только главного: сибирского лица — сибирской природы, красок, быта, настроений, мотивов, словом — души сибирской. А без этого поэзия — *tabula rasa*.

Придет один „сибирский“ поэт, и — дурно переложит „своими словами“ Никитина; придет другой, и — обретаясь в явном конфликте с грамматикой, ухватится за самые верхушки „модернизма“; третий повторит замызганный мотив из Надсона; четвертый бросит две три банальных, мертвых фразы о величии Байкала, — таково, в общих чертах, творчество большинства новейших сибирских поэтов (1913). Много разговоров о своем сибирском, много „любви к отечеству и народной гордости“, и очень, очень немного подлинного творчества, серьезного искания своего собственного коллективного „я“, своих собственных, не взятых на прокат у метрополии, а выношенных в собственной душе, художественных образов.

Причину такого грустного явления, мне думается, нужно видеть не столько в сравнительной духовной молодости Сибири, сколько в той, довольно-таки неопределенной, в общем, стадии общественного развития, которую она переживает. От одного какого-то — патриархального — берега Сибирь отстала, а к другому — связанному с городским укладом — пристать не успела. Отсюда — и все признаки культурного пауперизма. Старые духовные ценности — в виде пресловутого „сибирского патриотизма“ типа застольного бахвальства или не менее пресловутого „демократизма“ общесибирского, прямо с неба в готовом виде свалившегося всем сибирякам, без различия общественных слоев и классов — уже не удовлетворяют, хотя и продолжают еще изредка вдохновлять присяжных златоустов той или иной общественной группы; новых же ценностей еще не накоплено. Отсюда — тяготение сибирской молодежи к метро-

полии, это центробежное по отношению к Сибири и центростремительное по отношению к столицам движение культурных сил, не находящих себе дома, несмотря на фразы о Сибири, как „золотом дне“ и „непочатом“ для работы угле—достаточно надежного и бережного применения.

Молодежь сибирская рвется в столицы, к „свету“ к „шири и простору“, — „в Москву, в Москву!“ Но — не в пример Некрасову, расставшемуся со своей первой родиной обвешанным ее прелестью и пришедшему во вторую родину с плохим или хорошим, но каким-то определенным и цельным укладом — она является туда, в метрополию, с печатью духовного нищенства на челе и, не имея ничего отстоявшегося, „сибирского“ в душе, бессильна претворить в ней и свою вторую родину. Положение получается довольно незавидное: какой-то заколдованный круг творческого бессилия, выход из которого может быть только один — немедленно разставшись с утешающими конфетками в виде несознанных отрывков перестоявшейся патриархальности (в широком, не казенном, смысле), направить творчество окраины в русло научного (по методу) познания условий общественной жизни — в русло общественно-хозяйственного, культурного и всякого иного самоопределения.

Некоторую утешительную аналогию с временной скудостью сибирского творчества представляет, на наш взгляд, пресловутая же скудость песенного творчества, обычно наблюдаемая при переходе, напр., вчерашней деревни в сегодняшний фабричный поселок.

Наступает момент, когда стройная цельность красивой по своему народной песни перестает удовлетворять выросшее при усложненной жизни молодое поколение и задумчивую народную песню вытесняет безобразная, но все же пытающаяся оформить какое-то новое, незаметно народившееся содержание, фабричная частушка. Мы знаем: отстоится это новое в душе, и безобразную частушку, этот временный пауперизм духовный, сменят новые напевы, еще более, нежели старин-

---

Это была демоверсия книги - Чужак Н.Ф. Сибирский мотив в поэзии: (от Бальдауфа до наших дней)

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34